

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ГЛАВНЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКА)

Навразова Х.Б.

Чеченский Государственный Педагогический Институт, Грозный, Россия (364037), Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Киевская, 33, E-mail: chechgpi@mail.ru

В статье на большом языковом материале показано, что в чеченском языке, как и в других кавказских языках, прямое дополнение не является главным членом предложения (независимо от его согласования или несогласования в классе с глаголом-сказуемым). Подлежащее в чеченском и других «эргативных» языках может и должно соответствовать логико-грамматическим свойствам этого члена предложения в любом другом языке, однако в структурно-грамматическом отношении оно характеризуется известной спецификой и в плане выражения, и в плане связи со сказуемым в переходном и непереходном предложении. Связанные предикативным отношением члены предложения противопоставлены функционально. В чеченском языке, как и во всех остальных языках этого структурно-синтаксического типа (особо должны рассматривать абхазо-адыгейские языки), главных членов предложения два – подлежащее и сказуемое.

Ключевые слова: трехчленность семантического ядра, продуктивное и непродуктивное подлежащее, семантический субъект действия, имплицитный грамматический субъект.

DIFFERENTIATION OF THE PRINCIPAL PARTS OF THE SENTENCE IN THE CAUCASIAN LANGUAGES (ON MATERIALS OF THE CHECHEN LANGUAGE)

Navrazova H.B.

Chechen State Pedagogical Institute, Grozny, Russia (364037), Chechen Republic, Grozny, Kiyevskaya St., 33, E-mail: chechgpi@mail.ru

In the article on a big language material is demonstrated that in the Chechen language, as well as in other Caucasian languages, the direct object isn't the principal part of a sentence (irrespective of its coordination or a non-coordination in a class with a verb predicate). The subject in Chechen and other "ergative" languages can and has to correspond to logical-grammatical properties of this sentence part like in any other languages, however in the structural-grammatical aspect it is characterized by well-known specifics both in respect of expression, and in respect of relation with a predicate in the transitive and intransitive sentence. The sentence parts connected by the predicative relation are opposed functionally. In the Chechen language, as well as in all other languages of this structural-syntactic type (especially we have to consider the Abkhaz-Adygei languages), there two principal parts of the sentence – a subject and a predicate.

Keywords: three-member semantic core, productive and unproductive subject, semantic subject of an action, implicit (covert) grammatical subject.

Разрешение вопроса о главных членах предложения в индоевропейских и многих других языках не представляется особенно сложным и в принципе давно не вызывает споров и разногласий. Однако тот же вопрос не так просто решить, когда речь идет о кавказских языках и вообще о языках эргативного типа. Достаточно здесь отметить, например, постулируемую концепцию трехчленности предикативного ядра предложения в указанных языках, основанную на формальном подходе и восходящую к яковлевскому синтаксису, в соответствии с которой в эргативных кавказских языках выделяются три главных члена – подлежащее, сказуемое и прямое дополнение, или, скажем, уверенность У.С. Зекоха в том, что по структурно-схематическим признакам в адыгейском языке вообще нет подлежащего, о которой пишет С.Г. Шхалахова. На такую мысль У.С. Зекоха натолкнул, видимо, высокий

синтез глагольной структуры в адыгейском языке, но отрицать наличие подлежащего в этом языке вряд ли можно, хотя нельзя спорить с тем, что адыгейское предложение вполне может быть построено без морфологически выраженной самостоятельной словоформы – подлежащего. Надо отметить, что это проблема не только адыгейского языка, а в принципе всех языков с выраженными признаками полисинтетизма. Точно так же, как в адыгейском языке, «основным конституирующим членом предложения» является сказуемое и в кабардино-черкесском языке, и «тот факт, что в полисинтетических языках высокой степенью синтеза характеризуется именно глагол, а не другой класс слов, делает глагол-сказуемое центром и ядром предложения». Но даже здесь исследователи этого языка выделяют среди главных членов предложения подлежащее: «Подлежащее, выражая субъект действия, производителя действия или носителя состояния, в кабардино-черкесском, в отличие от языков индоевропейской группы, связано со сказуемым двойной, взаимонаправленной синтаксической связью: управлением и согласованием». Следовательно, наличие двух главных членов предложения в любом из кавказских языков, несмотря на особенности языков с признаками полисинтетизма, очевидно. Более сложен и еще не решен однозначно и окончательно вопрос о *трехчленности* предикативного ядра предложения и соответственно о *трехсоставности* предложения в эргативных кавказских языках. Разумеется, мы должны занять определенную позицию в этом вопросе.

Вполне обоснованно вслед за отдельными кавказоведами [3, 8] исключив прямое дополнение (независимо от его согласования или несогласования в классе с глаголом-сказуемым) из списка главных членов предложения, мы, естественно, выделяем в чеченском языке два главных члена – *подлежащее* и *сказуемое*.

Подлежащее в чеченском и других «эргативных» языках может и должно соответствовать *логико-грамматическим* свойствам этого члена предложения в любом другом языке, однако в *структурно-грамматическом* отношении оно характеризуется известной спецификой и в плане выражения, и в плане связи со сказуемым в переходном и непереходном предложении.

В русском и других индоевропейских языках **подлежащее** – это «выраженный именительным падежом существительного или его заместителями член предложения, с которым согласуется сказуемое и который обозначает субъект действия или субъект (носитель) пассивного признака, названного сказуемым» [7]. Вторая часть приведенного определения («обозначает субъект действия» и т.д.) вполне применима и к чеченскому языку, но совершенно неприменима другая – первая – часть. В первую очередь потому, что в чеченском языке необходимо дифференцировать подлежащее переходного и непереходного предложений. В той мере и в том виде, в каком это ему представлялось, такую

дифференциацию в свое время предлагал и обосновывал Н.Ф. Яковлев: «**Подлежащее** (грамматическое) или субъект в чеченском языке бывает в двух формах: продуктивное (переходное) и непродуктивное (непереходное) подлежащее. *Продуктивное подлежащее* стоит в активном падеже и употребляется только в переходном предложении, Оно выражает лицо или предмет, продуктивно действующий, т.е. такой, который исторически был непосредственным производителем (субъектом производства). Поэтому при продуктивном подлежащем всегда может стоять прямое дополнение, т.е. исторически название продукта, или предмета труда, а впоследствии также объекта действия вообще. Продуктивное подлежащее может стоять лишь при глагольном сказуемом...» [10]; «*Непродуктивное подлежащее* выражает лицо или предмет, действующий при таком действии, которое не может иметь продукта труда или объекта действия вообще. Непродуктивное подлежащее стоит в именительно-винительном падеже и употребляется только в непереходном предложении. При таком подлежащем обычно не бывает прямого дополнения (исключение составляет только обобщенно-переходный оборот...). Непродуктивное подлежащее, по своей форме (именительно-винительный падеж) совпадает с прямым дополнением...» [10]

В непереходном глагольном и в неглагольных предложениях чеченского языка подлежащее выражается «именительным» падежом, который большинство лингвистов предпочитают называть абсолютивом (абсолютным падежом). Основные значения абсолютива в таких предложениях следующие:

1) семантический субъект действия, состояния, отношения, различных признаков, т.е. субъект предикативного признака; это значение реализуется в функции подлежащего неактивной или внезалоговой конструкции: *Дешархой школе боьлху* «Ученики идут в школу»; *Нана йижина ю* «Мать спит»; *Цуьнан ваша цомгуш ву* «Его брат болен»; *И книга сан йишин ю* «Эта книга моей сестры (принадлежит моей сестре)»; *Мовлад астагла ву* «Мовлад хромой»;

2) семантический объект в пассивных глагольных конструкциях: *Книга ас язйина ю* (←*Ас книга язйина*) «Книга мною написана есть»; *Болх цуьнга дика бало* (←*Цо болх дика бо*) «Работа им хорошо выполняется (может выполняться)».

Во всех остальных случаях употребления абсолютива не в объектной функции он или не занимает самостоятельной позиции в предложении, или не является членом предложения вообще, или аккумулирует в себе функции и значения подлежащего и сказуемого. В таком употреблении абсолютив может характеризоваться:

1) определительным значением, реализуемым в функции приложения: студент *Алиев*; «*Беркат*» туйка «магазин «Беркат»; *Орга-хи* «река Аргун»; *Дойкур-эвла* «аул Дойкур (Толстой-Юрт)»; при этом приложение вместе с определяемым словом может быть в

предложении и подлежащим (Студент *Алиев* кхана сесси дАяла волало «Студент Алиев завтра начинает сдавать сессию»), и прямым дополнением (Профессора студент *Алиев* Гекхайкхира «Профессор подозвал студента Алиева»);

2) комплексным выражением субъектного и предикатного значений в случае ее употребления в функции главного члена односоставного номинативного предложения: *Буйса. Тийналла. ЖIаьлийн летар* «Ночь. Тишина. Лай собак»;

3) значением объекта (лица, любого живого существа, неодушевленного предмета или явления, которому адресована речь), реализуемым этой формой в функции обращения (не являющегося, по мнению большинства лингвистов, в том числе и кавказских, членом предложения): *Хьо мичхьа вара, доттагIа?* Где ты был, друг (мой)?»; *Схьадола, Гудри, схьадола!* «Иди (ко мне), Гудри (кличка собаки), иди!»; *Сан Даймохк, хьан дуйхьа Со вала кийча ву...* «Моя Отчизна, за тебя я готов умереть...» *Сатохалахь, сан дог, сатохалахь...* «Потерпи, сердце мое, потерпи...»;

4) специфической смысловой нагрузкой абсолютив характеризуется в функции особых семантико-синтаксических единиц, для обозначения которых в русской грамматике применяются «термины» **именительный темы** и **именительный представления**: *Ценош меттахIиттор*. И дара хIокху тIаьххьарчу хенахь массара а дуйцург «Восстановление домов. Это было в последнее время всеми говоримое (у всех на устах)»; *Нана...* Дуй цул мерза дош? «Мама ... Есть ли слово слаще его?»;

5) значением предикативного определения абсолютив характеризуется в функции именной части составного сказуемого, связка при этом, в отличие например, от русского языка, всегда выражена: *Сан ваша хьехархо ву* «Мой брат (есть) учитель»; *Льома массеран а накьост вара, амма шена эшначохь цунна цхьа а накьост-м ца карийра* «Лема был товарищем всем, но когда ему самому нужно стало, он ни одного товарища не нашел»;

6) использованием в качестве названий произведений литературы или искусства; в этом случае абсолютив не является ни членом предложения, ни предложением, ни сегментом какого-либо высказывания, но в то же время аккумулирует в себе мысль, идею, являясь средством номинации: *Еха буйсанаш* «Долгие ночи» (роман А. Айдамирова); *Бож-Иела* «Бож-Али» (пьеса А. Хамидова);

7) употреблением в побудительном значении в неполных предложениях типа *Урс!* «Нож!» (полное высказывание – *Урс схьало!* «Дай нож!»), в качестве единственного компонента фигуральных высказываний типа «Мила ву кхана бежан рогIехь верг? – *Мохьмад*» «Кто (есть) завтра очередной пасти скот? – *Магомед*».

Подлежащее в структуре предложения подчиняет себе другие, второстепенные, члены предложения, образуя тем самым **состав подлежащего**. В состав подлежащего входит

определение, которое в чеченском языке лишь условно можно дифференцировать на согласованное и несогласованное (см. об этом ниже): *Ялхалга класс* кхана экскурсе йобду «Шестой класс завтра отправляется на экскурсию»; *Яхин ваши* лор ву «Яхин брат – врач»; *Гихтара баьхкина нах* тхобгахь севцина «Из Гехов приехавшие люди у нас остановились»; *Серех юьйцина керт* дукха лаьттар яц «Из прутьев сплетенная ограда долго не будет стоять»; *Селханлера де* Иаламат хала дара «Вчерашний день особенно труден был». Входящее в состав подлежащего определение имеет, естественно, только одну форму, соответствующую форме самого подлежащего, – абсолютив (именительный падеж).

В качестве подлежащего в непереходном предложении в принципе может быть использовано любое слово, приобретающее субъектное значение и употребленное в соответствующей позиции. Чаще всего это:

1) существительное: *Бераиш* школе доьлху «Дети идут в школу»; Юьртахь *жгаьлеш* летара «В селе лаяли собаки»; *Хи глорийна* «Вода замерзла»; *Ден корта хьалххе кьезбелла* «Отцова голова рано поседела»; сюда относится и масдар – отглагольное имя существительное, «имя действия», относимое (на наш взгляд, необоснованно, к глаголу как его форма: *Цуьнан велавар цхьа шатайна догцIена ду* «Его смех («смеяние») как-то особенно искренний»; *Хьажар дика дац хьан* «Взгляд («глядение») нехороший у тебя»;

2) местоимение: *Со* кхана гIала воьду «Я завтра в город еду»; *Уьш хIинца а схьакхачаза бу* «Они еще не прибыли (не прибывшие есть)»; *Вай вовиашица бертахь хила деза* «Мы друг с другом в согласии должны быть»;

3) числительное: *Эзар бIеннал дукха ду* «Тысяча сотни больше»; *Ший тхуна тIевеара, важа давахара* «двое подошли к нам, другой ушел»;

4) субстантивированное («самостоятельное») прилагательное или причастие: *Жиманиг (жиммахверг) хIинца а школе лелаш ву* «Младший еще в школу ходит»; *Аьлларг юхадокхийла яц* «Сказанное обратно взять невозможно».

Сказуемое в нахской грамматике определяют как «главный член предложения, грамматически зависящий от подлежащего в непереходном предложении и от прямого дополнения (объекта действия) в переходном предложении, обычно выражающийся глаголом, именем существительным, именем прилагательным или причастием, обозначающим признак (действие, состояние, свойство, качество) того предмета, который выражен подлежащим или прямым дополнением» [6]. В этом определении, которое никем не оспаривалось, содержится серьезная ошибка: глагольное сказуемое не выражает никакого признака «предмета, который выражен...прямым дополнением». В сущности, само это определение в целом слишком поверхностное, не отражающее сложное соотношение двух главных членов, создающих предикативную основу предложения. В этой связи, особенно с

учетом роли прямого дополнения в переходном предложении, нам представляется вполне применимым то представление предикативного отношения как структурной основы предложения, которое, со ссылкой на Л. Теньера, Ф. Микулаша и Е.А. Седельникова, предлагает В.И. Дегтярев. Исходя из того, что «в формировании системы членов предложения проявилось действие двух взаимосвязанных факторов – логического и коммуникативного», «при этом модель членов предложения отражает формализованный, условный, знаковый характер языкового воплощения мысли» и «выявление членов предложения осуществляется не в морфологической, а в синтаксической плоскости» [1], В.И. Дегтярев переходит к пояснениям относительно связи членов предложения, называемых им функцивами. «Конструктивно-содержательную базу предложения образует предикативное отношение предизирующего (поданного в модально-временном плане) синтаксического функцива к данному, исходному, предикативно определяемому функциву. Связанные предикативным отношением члены предложения противопоставлены функционально: предизируемый выполняет функцию отождествления (ФО), предизирующий – функцию различения (ФР). Отождествляющий функцив является синтаксическим субъектом (подлежащим), различающий функцив – синтаксическим предикатом (сказуемым)» (там же). Конечно же, «сказуемое заключает в себе предикативный признак предмета, названного в подлежащем». При этом вне предикативного отношения не оставляется и прямой объект. Имея в виду в первую очередь индоевропейские языки и оперируя при этом примерами из русского языка, В.И. Дегтярев, несмотря на то, что это языки номинативные, тем не менее отмечает, что «структурную основу предложения образует предикативное отношение, которым предикативный (модально-временной) признак связан с синтаксическими предметами – грамматическим субъектом и объектом», «в предикативное отношение вовлечен также и прямой объект», «в конструкциях переходной (транзитивной) предикативной структуры он входит в конструктивное ядро предложения». В число главных членов грамматический объект В.И. Дегтярев все же не включает.

Сходные с рассуждениями В.И. Дегтярева мысли высказывает и В.Н. Ярцева, посвятившая этой проблеме специальную работу. С ее точки зрения, в эргативных языках «наличие или отсутствие прямого дополнения, вызванное содержанием высказывания, влияет на форму предложения и даже на форму главного члена предложения - подлежащего»; «тесные связи в биноме «глагол + прямое дополнение», наблюдаемые в языках. Имеющих один тип спряжения для переходных и непереходных глаголов, могут оказаться несущественными для языков, в которых наличие прямого дополнения меняет весь строй предложения» [11]. Эти и другие рассуждения, однако, не выходят за рамки

постановки проблемы: однозначно В.Н. Ярцева не утверждает, что в языках эргативного типа статус прямого дополнения отличается от его статуса в языках номинативного строя.

Независимо от того, в каких формально-грамматических отношениях и связях находятся предикат и два его актанта (субъект и объект), грамматическим субъектом (подлежащим) из них может быть только тот, который вступает в непосредственное предикативное отношение с предикатом-сказуемым как его субъект – субъект действия или субъект признака (в том числе и пассивный субъект в соответствующих конструкциях предложения). Прямое дополнение в чеченском и других кавказских языках не может быть включено в число главных членов только на том основании, что оно согласуется с глагольным сказуемым в классе. Оно *всегда* выполняет функцию только объекта глагольного действия, в роли субъекта не может быть употреблено вообще. Признак согласования прямого дополнения с глагольным сказуемым действительно является основанием для того, чтобы говорить о специфике связей между предикатом и объектом в чеченском и других кавказских языках и вообще в языках с эргативным строем предложения, но это не основание для того, чтобы преувеличивать функционально-синтаксический статус прямого дополнения и включать его в предикативное ядро предложения.

Таким образом, в чеченском языке, как, видимо, и во всех остальных языках этого структурно-синтаксического типа (абхазско-адыгские языки в этом контексте должны рассматриваться особо), главных членов предложения два – **подлежащее и сказуемое**.

Подлежащее – главный член предложения, обозначающий субъект глагольного действия (действующее лицо, предмет) или субъект признака (определяемое лицо, предмет, явление) в предложении и оформляемый в непереходном предложении с финитно-глагольным сказуемым именительным падежом (*Шуьга нах баьхкина* «К вам люди пришли»), в переходном инфинитно-глагольном предложении также именительным («абсолютном») падежом (*Нана юург кечйеш ю* «Мать еду готовя (есть)»), в переходном – эргативным (*Нанас юург кечйина* «Мать еду приготовила»). Для чеченского языка наличие подлежащего в предложении является, в отличие от некоторых других кавказских языков, одной из важнейших структурно-семантических черт.

Список литературы

1. Дегтярев В.И. Основы общей грамматики. – Ростов-на-Дону, 1973. – 254 с.
2. Зекох У.С. Основные синтаксические структуры в адыгейском языке. – Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Майкоп, 1988. – 331 с.
3. Климов Г.А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973.

4. Кумахов М.А. Очерки общего и кавказского языкознания. – Нальчик, 1984. – 326 с.
5. Камбачоков А.М. Синтаксис простого предложения кабардино-черкесского языка. – Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Нальчик, 1998. – 333 с.
6. Оздоев И.А. Синтаксис ингушского литературного языка. Простое предложение. // Известия ЧИНИИЯЛ, том V, вып. 2, «Языкознание», Грозный, 1964. С. 17
7. Скобликова Е.С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения. М., «Просвещение», 1979. – 236 с.
8. Халидов А.И. Общее и типическое в структуре и семантике чеченского простого предложения. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Грозный, 1999. – 324 с.
9. Шхалахова С.Г. К вопросу о главных членах предложения в адыгейском языке. // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. - Материалы Всероссийской научной конференции Майкоп, 2001. – С. 212-213.
10. Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка. Грозный, 1960. – 237 с.
11. Ярцева В.Н. О синтаксической роли прямого дополнения в языках разных типов. // Члены предложения в языках различных типов. («Мещаниновские чтения»). Л., «Наука, 1972. – С. 4-19.

Рецензенты:

Тимаев А.Д., д.ф.н., профессор кафедры чеченской филологии ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет», г. Грозный.

Сулейбанова М.У., д.ф.н., профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет», г. Грозный.